

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ (OLEG LEKMANOV)

 <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
Факультет зарубежной филологии
100174, Ташкент, Узбекистан
ул. Фароби, 400

Приглашенный профессор
Принстонского университета
Princeton University
08544 New Jersey, USA
lekmanov@mail.ru

ДИАЛОГ – МОНОЛОГ – МОЛЧАНИЕ В РАННЕЙ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА¹

DIALOGUE – MONOLOGUE – SILENCE IN EARLY LOVE LYRICS OF OSIP MANDELSHTAM

In this article the reasons are discussed for early Osip Mandelshtam's refusal to publish his poems about love. There is also a discussion about how the poet disguised the love theme in the lyrics written in the period 1909–1910. The poem “Silentium” is shown to be the key to Mandelshtam's early love poems. In this poem Mandelshtam narrowed the theme down to Fyodor Tyutchev's poem of the same name – “Silentium!”. Mandelshtam's poem, unlike Tyutchev's, is not about any one person as opposed to the rest of humanity, but about the poet himself and his rejection of erotic verse. This article goes on to compare the poems about love contained in the first and second editions of Mandelshtam's debut volume of poetry *Stone* (*Камень*) with poems not included in this volume. It is shown that in these latter poems the poet expressed himself with less restraint. When choosing poems for the first and second editions of *Stone*, Mandelshtam only occasionally and, so to speak, “illegitimately” broke the rule he had set for himself in “Silentium” regarding love lyrics: “May my lips acquire /primeval muteness”. This leads to the conclusion that love played, not an insignificant, but rather an excessively large role in Mandelshtam's life, and that it was precisely for this reason that he feared assigning it too large a place in his poetry. Erotic emotion overwhelmed the poet

¹ Глава из новой книги о Мандельштаме.

and threatened to deprive him of the desire to write poetry and make him think of nothing but the satisfaction of sexual desire.

Keywords: Mandelstam, love lyrics, “Siletium”, volume of poetry *Stone*, Russian poetry

В статье обсуждаются причины отказа раннего Мандельштама от публикации своих стихотворений о любви. Также идет речь о способах маскировки любовной темы в лирике поэта 1909–1910 годов. В качестве ключа к ранним поэтическим текстам Мандельштама о любви рассматривается стихотворение *Silentium*. Мандельштам в этом стихотворении сужает тему одноименного стихотворения Федора Тютчева *Silentium!* У Мандельштама, в отличие от Тютчева, речь идет не о любом человеке, противопоставленном всему остальному человечеству, а о себе самом, отказывающемся от эротической лирики. Также в работе сопоставляются стихотворения о любви, вошедшие в первое и второе издания дебютной книги стихов Мандельштама *Камень*, со стихотворениями, в эту книгу не вошедшими. Демонстрируется, что в стихотворениях, которые в книгу *Камень* не вошли, поэт проявил себя гораздо раскованнее. Отбирая стихотворения 1908–1909 годов для первого и второго изданий *Камня*, Мандельштам лишь эпизодически и как бы контрабандой нарушал отданный самому себе в стихотворении *Silentium* приказ, касающийся любовной лирики: «Да обретут мои уста / Первоначальную немóту». Высказывается предположение, что любовь играла не слишком маленькую, а слишком большую роль в жизни Мандельштама, и именно поэтому он опасался уделять ей много места в своих стихах. Эротическое чувство захватывало поэта всего и грозило лишить его желания писать стихи и думать о чем-нибудь, кроме удовлетворения своего сексуального желания.

Ключевые слова: Мандельштам, любовная лирика, *Siletium*, книга стихов *Камень*, русская поэзия

В марте 1913 года вышло в свет первое издание дебютной поэтической книги Осипа Мандельштама *Камень*. Оно состояло лишь из 23 стихотворений, что, возможно, было predetermined не творческими, а финансовыми причинами – деньги на издание поэту дал отец. «Сборник этот составлен слишком скупно, даже для первого выступления», – с неудовольствием констатировал в рецензии на *Камень* (1913) Сергей Городецкий².

Едва ли не главная тематическая особенность книги заключается в том, что в нее Мандельштам не включил ни одного стихотворения, в котором внятно говорилось бы о любовном увлечении. Учитывая, что автору в январе 1913 года исполнилось двадцать два года (возраст, в котором юноши и девушки, как правило, поглощены своими влюбленностями) – странное мандельштамовское исключение настоятельно требует объяснения.

Это, по-видимому, понимал и сам автор *Камня*. В целом в книге соблюдена хронологическая последовательность расположения стихотворений. Однако трижды Мандельштам такой порядок нарушил. В первый раз – в самом начале *Камня* (два других случая мы рассматривать здесь не будем):

² Цит. по: О. Мандельштам, *Камень* (серия «Литературный памятники»), изд. подготовили Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин, Ленинград: Наука 1990, с. 214.

после стихотворения *Дыхание* 1909 года следует стихотворение *Silentium* 1910 года, а после него – еще одно стихотворение 1909 года («Невыразимая печаль...»). Как представляется, для Мандельштама было важно сразу же вслед за программным *Дыханием* поместить в *Камне* стихотворение *Silentium*, в котором объясняется, почему в книге отсутствует любовная лирика. По-видимому, в первую очередь, именно ради этого он и отошел от хронологический принципа.

Вот та редакция *Silentium*, которая была напечатана в мандельштамовской книге 1913 года:

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день
И пены бледная сирень
В мутно-лазоревои сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немóту –
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито³.

Начнем разговор о стихотворении с простого вопроса: кто эта «она», о которой дважды заходит речь в зачине первой строфы? Прямой ответ на наш вопрос дан в первой строке последней, четвертой строфы. «Она» – это Афродита, богиня красоты и эротической любви, которую поэт призывает не рождаться из морских волн. Но если Афродита «еще не родилась»,

---

³ О. Мандельштам, *Камень. Стихи*, Санкт-Петербург: Акмэ 1913, с. 2.

то как она может (вернемся к первой строфе) **уже** присутствовать в мире, связывая между собой все явления окружающего мира («И потому всего живого / Ненарушаемая связь»)? Этот вопрос тоже несложный: очевидно, что в третьей–четвертой строках первой строфы стихотворения речь идет не об Афродитиной (эротической) любви-страсти, а о другой разновидности любви, той, которую можно назвать, например, дочувственной или не чувственной.

Во второй строфе изображается состояние природы в тревожной ситуации предрождения Афродиты. «Моря груди» (отчетливо эротический образ), тем не менее, «дышат» «спокойно», поскольку **еще** не охвачены жаром эротической любви. Однако далее следует противительный союз «но», следовательно и «день», и море все-таки **уже** заражены чувственностью. Недаром в ход идут эпитеты, часто используемые для описания любовной лихорадки: «безумный», «бледная», и что особенно важно для дальнейшего развития сюжета стихотворения – «мутн[ый]».

В первой строке третьей строфы неожиданно для читателя появляется «я» стихотворения, причем появляется в роли поэта, который приказывает самому себе перестать описывать рождение Афродиты и тем самым вернуть свой «замутненный» поэтический мир в состояние дочувственной «чистоты» («Как кристаллическую ноту, / Что от рождения **чиста**»). Собственно, в этой строфе мы и находим, пусть не прямое, объяснение почти полного отсутствия стихотворений о влюбленности в первом издании *Камня*: одержимость эротическим чувством замутняла восприятие окружающего мира и мешала поэту ощутить «ненарушаемую связь» между всеми предметами и явлениями этого мира.

То, к чему поэт призывает в последней, четвертой строфе *Silentium* похоже на обратное движение пленки в кинопроекторе. Почти воплощенная Афродита должна развоплотиться, превратившись обратно в пену; конкретное поэтическое «слово» должно вернуться в размытую «музыку»; а «сердце» (эмблема эротической любви) должно устыдиться другого «сердца», и оба они должны слиться с «первоосновой жизни», то есть возвратиться в состояние дочувственной, не чувственной любви.

Эротическое наполнение образа «сердца» из финальной строфы *Silentium* проявится особенно отчетливо, если мы сопоставим этот образ с «сердцем» из стихотворения Тютчева *Silentium!*, которое, несомненно, варьировалось в мандельштамовском стихотворении⁴.

⁴ Переключки между мандельштамовским *Silentium* и тютчевским *Silentium!* подробно рассматриваются в работах многих исследователей. См., например: Е. А. Тоддес, *К прочтению «Silentium'a»*, [в:] *Vademesum. К 65-летию Лазаря Флейшмана*, сост. и редакция А. Устинова, Москва: Водолей 2010, с. 89–90. Здесь и далее в примечаниях мы будем указывать на одну

У Тютчева, напомним:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи⁵.

У Тютчева «сердце» – воплощение самых разнообразных чувств **любого** человека. Соответственно, «другой» в стихотворении Тютчева это не возлюбленная или возлюбленный, а любой человек – не «я». У Мандельштама речь идет о двух «сердцах», охваченных, было, эротической любовью друг к другу, но по велению автора стихотворения, опоминающихся и сливающихся с другими сердцами во всеобщей дочувственной любви⁶. То есть Мандельштам сужает тютчевскую тему – у него речь идет не о любом человеке, противопоставленном всему остальному человечеству, а о себе самом, отказывающемся от эротической лирики.

После *Silentium* в первом издании *Камня* размещены два стихотворения, в которых все же обнаруживаются следы присутствия возлюбленной лирического героя. Однако эти следы столь эфемерны, что их легко просто не заметить, или истолковать не как приметы любовной поэзии.

Первое стихотворение, как мы уже указывали, датировано 1909 годом:

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой – сладкое лекарство!

работу (как правило, из множества), в которой обсуждаемое стихотворение Мандельштама разбирается с иной точки зрения, чем в этой работе.

⁵ Ф. Тютчев, *Полное собрание стихотворений*, изд. второе, вступ. статья Б. Я. Бухштаба, подготовка текста и примечания К. В. Пигарева, Ленинград 1957, с. 126.

⁶ В стихотворении Мандельштама того же, 1909 года «На влажный камень возведенный...», не вошедшем в *Камень*, эротическая любовь определяется как «сердца незаконный пламень». См.: О. Мандельштам, *Полное собрание сочинений и писем*: в 3 т., сост., подготовка текста и коммент. А. Г. Меца, вступ. статья Вяч. Вс. Иванова, Москва 2009, т. 1, с. 259. Далее это издание обозначается как ОМ-1.

Такое маленькое царство
 Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
 Немного солнечного мая –
 И потянулась, оживая,
 Тончайших пальцев белизна...⁷

Две приметы внешнего облика, упомянутые во второй и финальной строках этого стихотворения («...два огромных глаза»; «Тончайших пальцев белизна»), как кажется, позволяют предположить, что речь в стихотворении идет о девушке⁸. Тогда «цветочная» «ваза»⁹ и вино могут быть восприняты как атрибуты любовного свидания, а повторяющиеся во всех трех строфах мотивы сна и просыпания ото сна («Открыла два огромных глаза»; «Такое маленькое царство / Так много поглотило сна»; «И потянулась, оживая...»), возможно, намекают на то, что свидание было эротическим. Об этом может свидетельствовать и существительное «истомой» (то есть, возможно, любовной усталостью) из второй строки второй строфы.

Однако стихотворение устроено так осторожно, что не только перечисленные эротические мотивы, но и само присутствие в нем элементов портрета возлюбленной, если взглянуть на текст под другим углом, может показаться проблематичным, вчитанным в текст. В частности, Владимир Пяст в рецензии на второе издание *Камня*, по-видимому, оттолкнулся от пропущенного нами при анализе стихотворения слова «лекарство» и написал, что все стихотворение следовало бы озаглавить «Выздоровление» – предположительно, выздоровление лирического героя от болезни¹⁰. «Два огромных глаза» при таком прочтении могли бы восприниматься, например, как метафора головок цветов в хрустальной вазе, «истома» означала бы крепкий, исцеляющий сон, а строка «Тончайших пальцев белизна» могла бы описывать пальцы лирического субъекта, истончившиеся во время недомогания.

Следом за «Невыразимой печалью...» в *Камне* (1913) помещено стихотворение, датированное 1910 годом:

⁷ О. Мандельштам, *Камень...*, с. 3. Подробнее об этом стихотворении см.: Д. М. Сегал, *Осип Мандельштам. История и поэтика*, кн. I, Москва: Водолей 2021, с. 54–57.

⁸ Ср. с наблюдением Д. М. Сегала: «... образ женщины предстает в ранних стихах Мандельштама в крупном плане, составленном из деталей, увиденных вблизи». См.: Д. М. Сегал, *Осип Мандельштам...*, с. 57.

⁹ Сравните в предыдущем стихотворении *Камня* (1913): «И пены бледная сирень / В мутно-лазоревом сосуде».

¹⁰ Цит. по: О. Мандельштам, *Камень* (серия «Литературный памятник»)..., с. 218.

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы нетронута зимой.

И, если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых...¹¹

Здесь присутствие гостя в комнате героя обозначено четче, чем в предыдущем стихотворении, но лишь одним и почти воздушным предметом женского гардероба – вуалью. Зато вокруг этой вуали и организовано все стихотворение. Она упоминается в первой строфе, описывается во второй и, как отметил Д. М. Сегал, задает образность финальной строки третьей строфы и всего стихотворения – «Быстроживущих, синеглазых» (ведь вуаль прикрывает верхнюю часть лица женщины, в том числе, и глаза)¹². При этом, как и в *Silentium*, в стихотворении «Медлительнее снежный улей...» использован целый ряд слов, которые часто оказываются задействованы при описании чувственного влечения: «опьяненная», «изнеженная», «ласковой» и особенно – «трепетание». Только вместо женщины и мужчины любовную сцену разыгрывают «бирюзовая вуаль», предстательствующая за женщину, и ласкающий ее комнатный «свет».

Во второе издание *Камня*, вышедшее в декабре 1915 года (на обложке проставлен 1916 год) автор включил еще два ранних стихотворения, которые при желании можно было бы включить в разряд любовной лирики¹³.

¹¹ О. Мандельштам, *Камень...*, с. 4. Подробнее об этом стихотворении см.: М. Л. Гаспаров, *Статьи для «Мандельштамовской энциклопедии»*, [в:] М. Л. Гаспаров. *О нем. Для него. Статьи и материалы*, публ. и вступ. заметка П. Нерлера, подгот. текста М. Тарлинской и О. Лекманова, примечания М. Акимовой, Москва: Новое литературное обозрение 2017, с. 36–37.

¹² Д. М. Сегал, *Осип Мандельштам...*, кн. I, с. 57–58.

¹³ Тем не менее, рецензент отметил, что и в этом издании *Камня* любовная лирика почти отсутствует: «Название сборника выбрано автором весьма удачно. Холод и твердость преобладают в его творчестве. Со стороны формы – есть вещи очень красивые; но в стихах

Первое из них – это четверостишие 1908 года, которое описывает начало любовного свидания и нарочито обрывается на самом интересном месте:

Из полутемной залы, вдруг,
Ты выскользнула в легкой шали –
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...¹⁴

Буквально несколькими штрихами Мандельштаму удается создать атмосферу таинственности («Из полутемной...»), неожиданности («вдруг») и стремительности («выскользнула») произошедшего события, отделяющего от всех остальных людей («Мы никому не помешали») возлюбленного и возлюбленную, которая, как и в стихотворении «Медлительнее снежный улей...» характеризуется при помощи только одной принадлежности женского гардероба («в легкой шали»).

Второе стихотворение датировано 1909 годом. Оно помещено в *Камне* (1916) сразу после только что приведенного четверостишия и с этим четверостишием разительно контрастирует:

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое –
От неизбежного.

От неизбежного –
Твоя печаль
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук

Мандельштама все подчинено мысли в ущерб чувству». Цит. по: О. Мандельштам, *Камень* (серия «Литературный памятник»)..., с. 235.

¹⁴ О. Мандельштам, *Камень*, Петроград: Гиперборей 1916, с. 7. Подробнее об этом стихотворении см.: Д. Сегал, *Осип Мандельштам...*, кн. I, с. 53–54.

Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей¹⁵.

В четверостишии 1908 года мелькает лишь силуэт возлюбленной, показанной в стремительном движении, причем читатель успевает заметить и запомнить не ее лицо, а, скорее, ее плечи, на которые накинута «легкая шаль». В первой строфе стихотворения 1909 года крупным планом даны нежное лицо и белая рука адресата, которые детализируются во второй строфе. Здесь изображается уже не рука, а горячие «пальцы рук» девушки и не ее лицо в целом, а ее «очи» – в двух финальных строках стихотворения¹⁶. Художественная задача стихотворения 1909 года, таким образом, оказывается кардинально иной, чем четверостишия 1908 года. Не быстрый промельк героини, а медитативное всматривание в ее облик и распознавание подробностей, не динамика, а статика. Статический эффект во втором стихотворении многократно усиливается за счет отсутствия в нем глаголов, меж тем, как в четырех строках стихотворения 1908 года их целых три.

Остается обратить внимание еще на два мотива стихотворения «Нежнее нежного...», которые в любовной лирике Мандельштама выступают в роли лейтмотивов. Это мотив белого цвета, уже встречавшийся нам в стихотворениях *Silentium* («... как безумный, светел день / И пены бледная сирень») и «Невыразимая печаль...» («Тончайших пальцев белизна»). А также мотив речи, чье звучание или, наоборот, отсутствие, как мы скоро убедимся, было выбрано Мандельштамом в качестве константной характеристики любовных отношений.

Итак, отбирая стихотворения 1908–1909 годов для первого и второго изданий *Камня*, Мандельштам лишь эпизодически и как бы контрабандой нарушал отданный самому себе приказ, касающийся любовной лирики: «Да обретут мои уста / Первоначальную немоту».

Вероятно, именно самодисциплина не позволила поэту включить в *Камень* ни одного из пяти стихотворений 1909 года, в которых, по-видимому, отразились взаимоотношения Мандельштама с лирическим адресатом стихотворений «Невыразимая печаль...», «Медлительнее снежный улей...» и «Нежнее нежного...». Вслед за С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдиным мож-

¹⁵ О. Мандельштам, *Камень*, Петроград: Гиперборей 1916, с. 8. Подробнее об этом стихотворении см.: М. Л. Гаспаров, *Статьи для «Мандельштамовской энциклопедии»...*, с. 20.

¹⁶ Напомним, что внимание читателя на глазах и пальцах лирической героини акцентировалось в еще одном стихотворении Мандельштама 1909 года, вошедшем в *Камень* – «Невыразимая печаль...».

но предположить, что этим адресатом была та девушка, о которой коротко рассказано в мемуарах младшего брата поэта, Евгения Мандельштама¹⁷:

В Выборге мы обыкновенно жили у друзей родителей – Кушаковых. Их предки, николаевские солдаты, имевшие некоторые льготы, когда-то осели в Финляндии и разбогатели на торговле кожевенным сырьем. [...] Семья Кушаковых, их дом в какой-то степени сохраняли радушно-патриархальную атмосферу еврейского клана. Осип очень любил здесь бывать. Ему было семнадцать-восемнадцать лет, а у Кушаковых были две прелестные дочери-невесты. За одной из них брат не на шутку ухаживал. Но коварная девушка довольно неожиданно вышла замуж за военного капельмейстера, оркестр которого играл за сценой в некоторых спектаклях Мариинского театра, когда были нужны духовые инструменты. Свадьба была в Петербурге. Кушаков не пожалел денег: был заказан специальный поезд из одного вагона-люкс, и все мы, приглашенные на это семейное торжество, были роскошно доставлены в Питер¹⁸.

В своем прозаическом *Шуме времени* (1923) Мандельштам иронически вывел семью Кушаковых под фамилией Шариковы:

В Выборг ездили к тамошним старожилам, выборгским купцам – Шариковым, из николаевских солдат-евреев, откуда по финским законам повелась их оседлость в чистой от евреев Финляндии. Шариковы, по-фински «Шарики», держали большую лавку финских товаров: «Sekkatawaarankauppa», где пахло и смолой, и кожами, и хлебом, особым запахом финской лавки, и много было гвоздей и крупы. Жили Шариковы в массивном деревянном доме с дубовой мебелью. Особенно гордился хозяин резным буфетом с историей Ивана Грозного. Ели они так, что от обеда встать было трудно. Отец Шариков заплыл жиром, как будда, и говорил с финским акцентом. Дочка-дурнушка, чернявая, сидела за прилавком, а три другие – красавицы – по очереди бежали с офицерами местного гарнизона. В доме пахло сигарами и деньгами. Хозяйка, неграмотная и добрая, гости – армейские любители пунша и хороших саночек, все картежники до мозга костей. После жиденького Петербурга меня радовала эта прочная и дубовая семья. Волей-неволей я попал в самую гущу морозного зимнего флирта высокогрудых выборгских красавиц. Где-то в кондитерской Фацера с ванильным печеньем и шоколадом, за синими окнами санный скрип и беготня бубенчиков... Вытряхнувшись прямо из резвых узких санок в теплый пар сдобной финской кофейной, был я свидетелем нескромного спора отчаянной барышни с армейским поручиком – носил он корсет, и помню, как он божился и предлагал сквозь мундир прощупать его ребра¹⁹.

¹⁷ См.: О. Мандельштам, *Собрание произведений. Стихотворения*, ост., подготовка текста и примеч. С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина, Москва: Республика 1992, с. 4.

¹⁸ Е. Мандельштам, *Воспоминания*, предисл. А. Г. Меца, публ. и примеч. Е. П. Зенкевич, «Новый мир» 1995, № 10, с. 126.

¹⁹ О. Мандельштам, *Полное собрание сочинений и писем*: в 3 т., сост. А. Г. Мец. Том подготовили: А. Г. Мец, Ф. Лоэст, А. А. Добрицын, П. М. Нерлер, Л. Г. Степанова, Г. А. Левинтон, Москва 2010, т. 2, с. 220. Отца семейства звали Исаак, а его жену Анна. Жили они в Выборге по

Как видим, в этом пассаже автор *Шума времени* своеобразно отомстил «коварной девушке», в которую он некогда был влюблен. По мандельштамовской версии, три сестры Кушаковы не чинно отпраздновали замужество, а «по очереди бежали с офицерами местного гарнизона».

В стихотворениях Мандельштама 1909 года, предположительно обращенных к одной из сестер Кушаковых, иронией и местью, разумеется, не пахнет.

И, как минимум, одно из этих стихотворений уместно будет назвать эротическим безо всяких оговорок. Некоторые его строки перекликаются с написанным в следующем году стихотворением *Silentium*:

Что музыка нежных
Моих славословий
И волны любви
В напевах мятежных,

Когда мне оттуда
Протянуты руки,
Откуда и звуки
И волны откуда, –

И сумерки тканей
Пронизаны телом –
В сиянии белом
Твоих трепетаний?²⁰

В этом стихотворении содержится еще более радикальное высказывание, чем в *Silentium*. Если в тютчевской вариации Мандельштама поэтическому слову будет противопоставлена музыка («И слово в музыку вернись»), которой вполне находится место в мире дочувственной любви, то в стихотворении «Что музыка нежных...» сила эротического желания обесмысливает и ее тоже. «Сияние белое» и «трепетания» нагого тела

адресу: Pietarinkatu, д. 18. У Кушаковых было девять детей, имена пятерых дочерей приводит в своей статье о Мандельштаме в Финляндии Бен Хеллман – Мина, Джина, Адель (Дейла), Елена и Рахель. См.: В. Hellman, *Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе / Meetings and clashes. Articles on Russian Literature*, Helsinki: Helsingin yliopisto, Slavistiikan ja baltoлогияan laitос 2009, с. 161–162. Сохранилось фото Мандельштама с двумя дочерьми Кушакова.

²⁰ ОМ-1, с. 263–264. Подробнее об этом стихотворении см.: М. Л. Гаспаров, *Статьи для «Мандельштамовской энциклопедии»...*, с. 38.

возлюбленной²¹, угадываемого под «сумерками тканей» ее одеяний, выигрывают у «музыки» «славословий» поэта и его стихотворных «напевов», обращенных к возлюбленной.

Понятно, почему Мандельштам по-монашески ограничил себя, когда составлял *Камень*. Ведь из разбираемого стихотворения следует, что эротика грозила, ни больше, ни меньше, как лишить поэта мотивации для писания стихов.

References

- Gasparov, Mikhail L. *Stati dlya "Mandelshamovskoi entsiklopedii"*. In: M. L. Gasparov. *O nem. Dlya nego*, publ. & introd. remark N. Nerler, prep. of text M. Tarlinskaya and O. Lekmanov, notes M. Akimova. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Hellman, Ben. *Vstrechi i stolknoveniya. Stati po russkoi literature / Meetings and clashes. Articles on Russian Literature*. Helsinki: Helsingin yliopisto, Slavistiikan ja baltologian laitos, 2009.
- Mandelsham, Evgenii E. "Vospominaniya", introd. A. G. Mets, pub. and notes E. P. Zenkevich. *Novyi mir*. No. 10 (1995).
- Mandelsham, Osip. *Kamen*. Petrograd: Giperborei, 1916.
- Mandelsham, Osip. *Kamen*, ed. L. Ya. Ginzburg, A. G. Mets, S. V. Vasilenko, Iu. L. Freidin. Leningrad: Hayka 1990.
- Mandelsham, Osip. *Kamen. Stikhi*. Sankt-Peterburg: Acme, 1913.
- Mandelsham, Osip. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Vol. 1, introd. Viach. Vs. Ivanov., comp. ed. and comment. A. G. Mets. Vol. 2, prop. A. G. Mets, F. Loest, A. A. Dobritsyn, N. M. Nerler, L. G. Stepanov, G. A. Levinton. Moskva: Progress-Pleiada, 2011.
- Mandelsham, Osip. *Sobranie proizvedenii. Stikhotvoreniya*, comp., prep text and notes S. V. Vasilenko and Yu. L. Freidin. Moskva: Respublika 1992.
- Segal, Dmitrii M. *Osip Mandelsham. Istoriya i poetika*. Vol. 1. Moskva: Vodolei, 2020–2021.
- Toddes, Evgenii A. *K prochteniyu "Silentium'a"*. In: *Vademecum. K 65-letiyu Lazarya Fleishmana*, comp. and ed. A. Ustimov. Moskva: Vodolei, 2010: 89–91
- Tyutchev Fedor. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. 2nd, ed., introd. B. Ya. Bukhshstab, ed. and notes K. B. Pigarev. Leningrad: "Biblioteka poeta, bolshaya seriya", 1957.

---

²¹ Отметим, между прочим, что существительное «трепетаний», употребленное в этом стихотворении, проясняет предпоследнюю строку мандельштамовского стихотворения «Медлительнее снежный улей...», эротически ее окрашивая: «Здесь – трепетание стрекоз».